

Т Е А Т Р

ПОЧЕМУ НЕ УДАЛСЯ СПЕКТАКЛЬ?

ДЕСЯТЬ ЧАСОВ и тихая, лунная ночь — все спойно! — нарастает декламирует детский голос. Так начинается спектакль по пьесе Евгения Рысса «Случай в интернате», поставленный Московским театром юного зрителя, — спектакль о буднях школы-интерната.

Но, к сожалению, спектакль не вызывает ни интереса аудитории, ни уверенности в том, что автор понимает особенности детской психологии.

Основная сюжетная линия пьесы — конфликт «трудного» ученика Стригунова с тем «положительным», что его окружает.

В первых актах пьесы Стригунов выглядит буквально средоточием отрицательных качеств.

Как и следовало ожидать, педагоги и школьные активисты хотят «уловить» Стригунова в орбиту своей воспитательной деятельности, но терпят одно фиаско за другим. А сидящим в зале ясно, почему Стригунов не желает «перевоспитываться». Для того чтобы искоренить какое-то зло, необходимо понять и изучить его причину. А в пьесе ничего не говорится о том, почему Стригунов стал вымогателем и хулиганом.

Я не собираюсь утверждать, что в наших школах-интернатах нет педагогиче-

ских просчетов и промахов. Они есть, но природа их, так же как и причины, кроется порой в ошибках учителей, в наших недостатках, тогда как Стригунов Е. Рысса — «фатальный злодей».

Серьезнейший порок пьесы — отсутствие коллектива, этой великой организующей и воспитывающей силы. Сейчас в быт школы-интерната прочно входят самостоятельность, инициатива ребят. Именно в интернате создаются широчайшие возможности для детского самоуправления, конечно, под известным контролем. Практика первых лет работы школ нового типа породила интереснейшие методы воспитания, возросла роль детских коллективов и их руководящего ядра — комсомола, ученических советов и т. д. Где все это в пьесе? По сцене двигаются худольные «положительные герои» — Степа Зыбин и Люся Богачева. Они без конца морализируют, поучают, произносят «педагогические» диалоги, которые не трогают ни воспитываемого Стригунова, ни зрителей.

Автор пьесы, видимо, зашел в тупик в поисках разрешения конфликта. Это подтверждается тем, что, исчерпав свое красноречие, «положительный» Зыбин избивает Стригунова. Но и этот эпизод неубедителен. Дерутся

мальчишки? Бывает. Но никогда мальчишеская драка не несет в себе «воспитательной» подоплеки, и мало вероятно, чтобы перед дракой 16-летний парень заранее каялся в своем поступке перед свидетелями, как это делает в пьесе Зыбин. Между полученной «взбучкой» и неожиданным «перерождением» Стригунова проходит много времени, и в конце пьесы он исправляется. «Как это происходит, зритель не знает. Самый процесс перевоспитания Стригунова не показан, если не считать оброненной им вскользь фразы: «Я всю зиму в стожарке вальсовал». Вот бы и показать в пьесе романтический пафос детского труда, пусть несложного, на первых порах похожего на игру, но воспитывающего и облагораживающего.

Чувство протеста вызывают и образы педагогов. Старшая воспитательница Александра Степановна напоминает своим поведением добродетельную классную даму из сентиментальных рассказов Лидии Чарской. Директор Евгений Иванович без конца резонерствует, произносит наивные монологи с унылым рефреном «Ах, какой сегодня был хороший день!»

Мелькают на сцене шаблонные, скучные образы добродушно-ворчливого завхоза и

старого рабочего Виктора Тимофеевича, заведующего школьными мастерскими. Эти фигуры пассивны и составляют лишь дополнительный «фон» пьесы.

Все это заставляет сделать вывод, что в своей пьесе Е. Рысс не уловил духа времени, не понял сегодняшней школы-интерната. В итоге «Случай в интернате» — всего лишь сценическая разновидность отвлеченного педагогического морализирования.

Б. ФИЛОМАФИТСКИЙ,
зав. учебной частью
541-й одиннадцатилетней
школы с производственным обучением.

г. Москва.